

Глава 19. Любимая наложница

Выезд императора из дворца всегда был событием государственной важности, а потому подготовка к весенней охоте началась за два месяца до назначенного срока. Суэта охватила и внутренние покои, и внешние ведомства.

Чем ближе был день отъезда, тем сильнее Цянь Яо мучила тревога. Сердце его, словно подвешенное на тонкой нити, никак не могло обрести покой; он пребывал в тягостном ожидании финала, исход которого невозможно было предугадать. Юноша жадно ловил любую весть, хоть как-то касающуюся предстоящей охоты.

В тот вечер пёс-император засиделся допоздна. Глубокой ночью он всё еще разбирал государственные донесения, завалившие его стол. Цянь Яо, боясь помешать, послушно замер в углу, стараясь не привлекать внимания, как вдруг в покои вошел человек, облаченный во всё черное.

При виде этого одеяния юноша мгновенно вспомнил стражников, которых видел у ворот Тёмной тюрьмы.

Это был человек из Отдела Холодного Клинка.

Служители этого ведомства предпочитали держаться в тени и редко показывались на глаза. За всё время службы подле императора Цянь Яо впервые видел, чтобы кто-то из них явился по собственной воле.

Страх и любопытство разом захлестнули его. Он прислушался, надеясь уловить хоть слово, но Главный управляющий Мо бросил на слуг красноречивый взгляд, и все придворные тут же поспешили удалиться.

Цянь Яо пришлось подчиниться общему порядку. Едва он вышел за порог, тяжелые двери опочивальни захлопнулись, отсекая все звуки и оставляя тайны внутри.

«О чем они говорят?»

Он попытался прильнуть к двери, но за толстым деревом царила тишина. Должно быть, недавние события в подземелье оставили слишком глубокий след в его душе — при виде людей из Холодного Клинка его охватывал безотчетный ужас.

Впрочем, юноша понимал: скорее всего, во всем виновата его собственная «нечистая совесть». Он изо всех сил старался успокоить себя, твердя, что нужно верить Лу Яньчжоу и что всё обойдется.

Вскоре двери снова отворились, и человек из Отдела Холодного Клинка покинул покои. Лишь

тогда Цянь Яо позволили вернуться.

Войдя, он увидел императора: тот откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза, словно пытался восстановить силы. Юноша не смел его тревожить и молча встал в своем углу, стараясь казаться как можно незаметнее.

Однако спрятаться не удалось. Стоило псу-императору открыть глаза, как он повелительным жестом подозвал слугу к себе. Государь взял со стола серебряную вилочку, наколол кусочек медовой дыни и поднес к его губам.

Цянь Яо уже привык к подобным знакам внимания и послушно приоткрыл рот. В глубине души он даже порадовался, что сегодня его потчуют фруктами, а не сладостями.

Несколько дней назад этот пёс-император словно с цепи сорвался: он заставил юношу съесть одиннадцать пирожных подряд. Цянь Яо тогда едва не вывернуло наизнанку, и с тех пор его до сих пор мучило от одного вида выпечки. Фрукты же были сочными и прохладными — как раз то, что нужно, чтобы унять тошноту.

— Через два месяца начнется весенняя охота.

Цянь Яо замер, так и не проглотив кусочек дыни. Почему император заговорил об этом сейчас? И почему именно с ним?

Тревога вновь всколыхнулась в груди. Он осторожно взглянул на лицо государя, но не заметил ничего необычного. Поспешно проглотив угощение, юноша тихо ответил:

— Да.

— Ты отправишься со мной. Будешь прислуживать.

Эти слова окончательно сбили его с толку. Этот пёс-император и так каждую ночь засыпал, сжимая его руку, — разве само собой не разумелось, что он должен следовать за господином? К чему эти уточнения?

Вина, терзавшая его душу, заставила воображение рисовать страшные картины. Неужели Ци Ань что-то заподозрил? Но ведь это невозможно! С Лу Яньчжоу они виделись всего дважды, и то — в строжайшей тайне. К тому же во дворе любые связи с внешним миром карались смертью; если бы император узнал правду, их бы уже давно казнили.

Цянь Яо попытался взять себя в руки, чтобы не выглядеть подозрительно, но стоило ему встретиться взглядом с Ци Анем, как вся решимость улетучилась, точно из проколотого шара.

— Слушаюсь, — только и смог выдавить он.

Его охватило горькое разочарование в самом себе. В прежней жизни, насмотревшись сериалов о попаданцах, он был уверен, что, оказавшись он в прошлом, непременно совершит великие дела и заставит всех содрогнуться. Но реальность оказалась жестокой: перед лицом истинного самодержца он не смел даже повысить голос.

Хотя его ни в чем не уличили, юноша чувствовал, что силы его на исходе. Ему безумно хотелось рухнуть на колени, покаяться во всем и молить о пощаде. Лишь остатки здравого смысла удерживали его от этого безумства.

Аура императора была слишком тяжелой, подавляющей. Боясь выдать себя лишним словом, Цянь Яо отвечал предельно кратко. Он опасался гнева господина, но Ци Ань, вопреки ожиданиям, не стал расспрашивать дальше. Он просто продолжил кормить его с рук.

На этот раз государь не стал невольничать и остановился, когда юноша съел всего несколько кусочков. Однако, отложив дыню, он не спешил убирать серебряную вилочку. Ци Ань вдруг легонько прижал холодный металл к его губам. Цянь Яо в замешательстве поднял глаза и увидел, что император смотрит на него странным, трудночитаемым взглядом.

Он не смел шелохнуться, гадая, чем снова не угодил владыке, но Ци Ань вдруг словно очнулся. Он отложил вилку и поднялся, направляясь к купели. Цянь Яо хотел было последовать за ним, чтобы помочь с омовением, но государь бросил через плечо:

— Тебе не нужно прислуживать.

Юноша замер в недоумении, но тут же склонился в поклоне:

— Слушаюсь.

Последующие дни тянулись на редкость спокойно.

Ночные дежурства сменялись дневным сном, после которого он обедал с Сяо Суйцзы. Изредка ему удавалось ускользнуть на встречу с Лу Яньчжоу, чтобы обсудить детали побега.

Всё шло своим очередным порядком, и лишь одно обстоятельство выбивалось из привычной колеи: пёс-император внезапно начал проявлять к нему странную милость.

Еда, которую приносили Цянь Яо, становилась всё изысканнее. За промахи его больше не наказывали, а подношения, которыми его потчевал государь, были такими, какие подносили

лишь высшим сановникам. По ночам Ци Ань иногда даже заговаривал с ним — пусть это были лишь обрывочные фразы, но в них Цянь Яо ясно слышал несвойственную императору заботу.

Это было... более чем странно.

Дворцовые слуги, привыкшие чутко ловить малейшие перемены в настроении господина, мгновенно изменили свое отношение к юноше. Ограничения на общение с ним куда-то исчезли, и теперь, где бы Цянь Яо ни появлялся, его преследовали льстивые речи и угодливые улыбки.

Управление по делам дворца даже прислало ему уголь высшего качества, который обычно не полагался простым слугам. Юноша был по-настоящему ошеломлен таким вниманием.

Сяо Фуцзы и Сяо Цюаньцзы тоже не скрывали своего изумления. Первый даже начал подтрунивать над ним:

— Ну ты даешь, Цянь Яо! Тебя балуют, как любимую наложницу. Неужто Его Величество решил ввести тебя в свой гарем?

— Перестань нести чепуху, — отмахнулся юноша.

Его вовсе не радовали эти перемены. Пёс-император был человеком непредсказуемым, и Цянь Яо не мог понять, что у того на уме. Совсем недавно он таскал его в Тёмную тюрьму, показывая ужасы застенков, а теперь осыпает милостями. К чему всё это?

Видя, что друг не настроен шутить, паренёк не унимался и шепотом продолжил:

— Я серьезно. Даже у Главного управляющего Мо нет таких привилегий. Весь дворец только и говорит о том, что ты — первый человек в сердце императора. Неужели он и правда в тебя влюбился?

— Это невозможно.

Цянь Яо ответил резко. Хотя раньше он и подозревал императора в тяге к мужчинам, за всё время он не видел, чтобы Ци Ань проявлял интерес хоть к кому-то. Впрочем, к женщинам он тоже был холоден: за годы правления император так и не обзавелся ни императрицей, ни наложницами. Чиновники изнывали от тревоги, но после недавних казней никто не смел напоминать ему о долге продолжения рода.

— Тогда почему он так добр к тебе? — не унимался Сяо Фуцзы.

Цянь Яо лишь тяжело вздохнул. Он и сам хотел бы знать ответ.

Вместо радости нежданная «благосклонность» принесла лишь новый виток страха. В этом дворце все взоры были обращены на того, кто в милости у государя. Лишнее внимание могло сослужить ему дурную службу и помешать побегу. К тому же, если он сбежит сейчас, не станет ли гнев императора еще страшнее?

От этих мыслей Цянь Яо казалось, что он тонет в бескрайнем море ледяного ужаса. Но как бы ни трепетало его сердце, внешне он обязан был сохранять спокойствие.

В назначенный час юноша снова отправился на ночное дежурство.

Когда он прибыл, император уже закончил омовение и готовился ко сну. Юноша, следуя привычке, подошел к кровати и опустился на колени, протягивая руку сквозь плотные складки ярко-желтого полога.

Однако на этот раз император не спешил сжимать его ладонь. Вместо этого он сам резко отдернул занавесь.

— Ваше Величество? — растерянно позвал Цянь Яо, решив, что господину что-то потребовалось.

Но в следующую секунду император властным жестом указал на место рядом с собой.

— Ложись, — раздался в тишине его низкий, не терпящий возражений голос.

<http://bllate.org/book/15347/1417461>